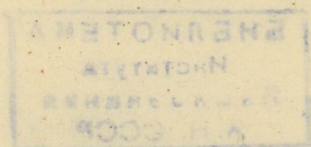

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т Р У Д Ы
И Н С Т И Т У Т А
Я З Ы К О З Н А Н И Я

Т о м VI

82217

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1956

С. Н. Соколов

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЯЗЫКА БЕЛУДЖЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Язык белуджей Туркменской ССР одинаков с языком белуджей Хорасана и входит вместе с мекранскими говорами в группу западных белуджских диалектов. В научной литературе язык белуджей Туркмении известен благодаря текстам, собранным и изданным И. И. Зарубиным. Фонетика его основательно разобрана в работах И. И. Зарубина и В. С. Соколовой. Историческая фонетика белуджского языка в целом также достаточно разработана в научной литературе. Но очерка морфологии языка советских белуджей еще нет. И. И. Зарубин пока, к сожалению, ограничивается в своих работах только отдельными замечаниями грамматического характера. Между тем, морфология языка белуджей Туркмении имеет немало интересных особенностей, отсутствующих или неотмеченных в ранее описанных зарубежных говорах. Исследованию данного вопроса посвящен настоящий очерк.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БЕЛУДЖСКОГО ЯЗЫКА

Первый образчик белуджского языка, ставший известным в научной литературе, — молитва „Отче наш“¹, напечатанная в 1833 г. в *Journal Asiatique*², с пословным французским переводом. При тексте нет ни подписи, ни ссылки на источник, и сама запись сомнительного качества.

В 1838 г. лейтенант британской службы Р. Лич опубликовал „Краткий очерк грамматик брахуи, белуджского и пенджабского языков“³. Грамматика белуджского языка занимает в этой работе 12 страниц, составлена без претензии на научный анализ и содержит парадигмы склонения имени и местоимения. Глагольных парадигм Лич у неграмотных белуджей выявить не сумел, но зато привел перечень отдельных слов, 4 страницы фраз и несколько песен.

Этот материал использовал норвежский ученый Х. Лассен⁴, пытаясь дать научное описание белуджского языка.

¹ В то время в связи с возросшим интересом к языкам, было в моде коллекционирование и издание таких „comparative Vaterunserpolyglotten“.

² Pater en langue beloutchi, *JAs*, t. XII, 1833, стр. 187—188.

³ R. Leech. Grammar of the Balochky Language, *JASB*, VII, 1838, стр. 608—620.

⁴ Ch. Lassen. Die Sprache der Baluk'en. *ZKM*, IV, 1842, стр. 119—122; 419—488.

Лассен сравнивает звуки, слова и формы белуджского языка с персидским и приходит к выводу, что „перед нами — персидский язык, а не только иранский, как курдский и афганский... можно даже склониться к тому, чтобы рассматривать белуджский язык как диалект персидского“¹. Он полагает, что белуджский язык произошел от персидского, как и сами белуджи — от персов.

В анализируемых словах Лассен еще не умеет отличать истинно белуджских слов от персидских заимствований (считает, что основной запас слов — просто персидский, а заимствования — из арабского и индийских языков), но он уже группирует персидский, белуджский и курдский языки, противопоставляя им всем афганский язык как восточноиранский.

Отражением успехов, сделанных за последующие годы сравнительным языкознанием и иранистикой в частности, явилась работа Фридриха Мюллера „О языке белуджей“ (1864)², в которой он использовал те же материалы, но уже на вполне научной основе.

При помощи сравнительного фонетического и морфологического анализа (правда, еще не всегда точного) Мюллер доказывает, что белуджский язык не диалект персидского, а особый язык (не Tochter-, а Schwestersprache).

В том же 1864 г. Раверти поместил в JASB небольшой (43 слова) белуджский глоссарий.

Чисто практические цели преследует „Руководство по белуджскому языку“ Гладстона, вышедшее в Лахоре в 1874 г.³ Автор отрицает в себе „талант грамматика“, но зато его работа основана на собственных записях, проверенных с помощью белуджей.

Предыдущие работы были основаны на диалектах северо-восточной группы, распространенных к северо-востоку от района Келата. Юго-западный („мекранский“) белуджский язык впервые стал известен в 1875 г. по „Описанию мекранско-белуджского диалекта“ Э. Пирса⁴, состоящему из грамматического очерка, пяти страниц фраз и из словарей англо-белуджского (20 стр.) и белуджско-английского (45 стр.).

Пирс дает границы распространения диалектов, ссылки на место записи, но в теоретическом отношении работа не стоит на уровне языкознания того времени. Пирсу белуджский язык снова, как Лассену, кажется „диалектом персидского языка с большим количеством слов индийского происхождения“. Он наблюдает звуковые соответствия между персидским и белуджским, но выводит все белуджское из новоперсидского.

¹ Ch. Lassen. Die Sprache der Baluk'en. ZKM, IV, 1842, стр. 430.

² F. Müller. Über die Sprache der Balučen. „Or. u. Occ.“, III. Göttingen, 1864, стр. 78—87.

³ C. E. Gladstone. Biluchi Hand-Book. Lahore, 1874.

⁴ E. Pierce. A Description of the Mekranee-Baloochee Dialect. JRASBBR, XI, 1875, стр. 1—98.

В 1877 г. в Бомбее вышла краткая „Грамматика и словарь мекранско-белуджского диалекта“ Марстона¹. Он же издал в 1888 г. в Карачи „Уроки мекранско-белуджского диалекта“ (также очень небольшая работа)².

В 1877 г. вышла в Лондоне „Грамматика белуджского языка Мекрана“ Э. Моклера³. Это, по отзыву В. Гейгера, — „наглядная и ясная грамматика, которая впервые представляет белуджский язык более подробным образом — конечно, чисто практически“⁴. Впоследствии (1895) Моклер поместил в JASB работу „Происхождение белуджей“.

В дальнейшем изучение белуджского языка и публикация текстов были сосредоточены главным образом в Индии и ограничивались северо-восточными диалектами.

В 1881 г. в Лахоре Хету Рам издал „Билучи-наме“⁵ — сборник белуджских текстов, а в 1885 г. в Калькутте вышел перевод этого сборника, выполненный Дони. В 1884 г. аллахабадской миссией было напечатано евангелие от Матфея на белуджском языке. В Аллахабаде миссионер А. Льюис в 1885 г. издал сборник „Белуджские рассказы“⁶.

Много сделал для изучения языка, фольклора и истории белуджей (главным образом, северо-восточных) М. Лонггорс Деймс⁷. В 1880 г. им был издан „Очерк северного белуджского языка“, в 1891 г. „Белуджская хрестоматия“. В 1904 г. вышла его книга „Белуджская раса“, где он (правда, более, чем следует, вдаваясь в антропологию) приводит ценные сведения об истории белуджей и расселении белуджских племен. Деймс издал также белуджский народный эпос („Народная поэзия белуджей“, 1907). Ему же принадлежит статья „Белуджистан“ в „Энциклопедии Ислама“.

Вновь к изучению белуджского языка в сравнительно-историческом научном плане обратился, спустя 25 лет после Ф. Мюллера, В. Гейгер. Используя изданные к тому времени материалы (а также некоторые рукописи с текстами и глоссами на юго-западном белуджском языке), он сделал в 1889 г. в Мюнхенской Академии доклад „Диалектальное деление в белуджском языке“⁸. Здесь он дает основные фонетические различия между обеими диалектальными группами.

¹ E. W. Marston. Grammar and Vocabulary of the Mekranee Balochee Dialect. Bombay, 1877.

² E. W. Marston. Lessons in the Mekranee Balochee Dialect. Karachi, 1888.

³ E. Mockler. A Grammar of the Balochi Language. . . London, 1877.

⁴ Sitzungsberichte d. k. bayr. Ak., Philos. Phil. Cl., 1889, I.

⁵ Hetu Ram. Biluchi nama. Lahore, 1881.

⁶ A. Lewis. Bilochi Stories. . . Allahabad, 1885.

⁷ M. L. Dames. Sketch of the Northern Balochi Language. Calcuta, 1881; Balochi Text-Book. Lahore, 1891; The Baloch Race. London, 1904.

⁸ Geiger. Dialectspaltung im Balūči. Sitzungsberichte d. k. bayr. Ak., Philos.-Phil. Cl., 1889, I, стр. 65—92.

В том же году Гейгер публикует три сказки на северо-восточном диалекте (из „Билучи-намэ“ Хету Рама) и два рассказа из рукописи Британского музея — в транскрипции с переводом¹.

В 1890 г. выходит не потерявшая значения и до сих пор работа Гейгера „Этимология белуджского языка“². Она содержит 430 слов с сопоставлением юго-западных и северо-восточных форм между собой, а также с древними и новыми иранскими языками (здесь Гейгер использует работы Жуковского, Ф. Юсти, Дорна, И. Березина и др.). „Этимология“ мыслится подготовительной работой к созданию сравнительного словаря иранских языков.

На обе работы („Диалектальное деление“ и „Этимология“) дали рецензии в ZDMG Х. Бартоломе и Г. Г. Хюбшманн, с некоторыми добавлениями и замечаниями по поводу этимологий.

В 1891 г. появляется „Фонетика белуджского языка“³ Гейгера. Здесь очень основательно излагается история фонем как северо-восточного, так и юго-западного белуджского, звуковой состав которого принимается за прабелуджский. В конце кратко резюмируются особенности фонетического развития белуджского языка и приводится таблица звуковых соответствий древнеперсидского, авестийского, среднеперсидского, новоперсидского, белуджского, курдского, осетинского и афганского языков.

В введении к работе даны еще 16 этимологий, а в качестве приложения помещены этимологии 312 заимствованных слов и указаны слова из „Этимологии“, которые также можно считать заимствованными.

В 1893 г. Гейгер издает еще тексты северо-восточных белуджских диалектов (из Деймса), с грамматическими комментариями.

Обобщающей работой Гейгера по белуджскому языку явился „Язык белуджей“ в „Grundriß der Iranischen Philologie“⁴. Здесь даны очерк грамматики (описательной и исторической), образчики текстов, библиография.

Хорошая описательная грамматика (параллельно по обеим диалектным группам) дана Грирсоном в его многотомном труде „Лингвистический обзор Индии“ (1921)⁵.

В 1923 г. вышла работа Джильбертсона „Белуджский язык“, а в 1925 г. — его же „Англо-белуджский разговорный словарь“⁶.

Понятие о западноиранских языках (персидский, курдский, белуджский), противостоящих восточноиранским (афганский), было, как мы видели, уже у Лассена. Вопрос о дальнейшем делении западноиранских

¹ ZDMG, 43, 1889, стр. 579—589.

² Abhandlungen d. k. bayr. Ak., Philos.-Phil. Cl., Bd. XIX, 1890, стр. 105—153.

³ Там же, стр. 399—464.

⁴ Gr. IPh. Bd. I, Abt. II, стр. 231—248.

⁵ Grierson. Linguistic Survey of India, vol. X.

⁶ G. W. Gilbertson. The Balochi Language. Hertford, 1923; English-Balochi Colloquial Dictionary. Hertford, 1925.

языков был поставлен на научную основу в начале XX в., особенно после находки турфанских среднеиранских текстов.

Ф. Андреас и К. Г. Залеман (1905) определили основные диалектные различия в этих текстах (северо-западный и юго-западный диалекты). О. Манн в 1909 г. (в I части своих „Курдско-персидских исследований“)¹ показал продолжение этих различий в современных западноиранских языках, которые он делит на персидские диалекты (юго-западные) и северо-западные иранские диалекты (каспийские, центральные).

Гораздо более полно и точно исследован этот вопрос в известной работе П. Тедеско „Диалектология западноиранских турфанских текстов“ (1921)². Белуджский язык он относит, на основании некоторых элементов фонетического развития, лексического фонда и грамматического строя, к северо-западной группе иранских языков.

В среднеиранских северо-западных диалектах он различает четыре группы: курдскую, пред-белуджскую, каспийскую и центральную, из которых считает более древним слоем каспийские и пред-белуджские диалекты, вытесненные теперь на крайний северо-запад и юго-восток, а наиболее молодым по распространению слоем — курдские диалекты.

В 1929 г. в северо-западной Индии собрал некоторые материалы по белуджскому языку (обеих диалектных групп) Г. Моргенштерне. В 1932 г. отдельной брошюрой вышел его „Отчет о лингвистической командировке в северо-западную Индию“³, где он, в частности, отмечает сравнительную близость между собой белуджских диалектов. В том же году вышла его статья „Заметки по белуджской этимологии“⁴; здесь приводятся слова, которых не было у В. Гейгера, а в некоторых случаях даются новые этимологии или приводятся новые диалектные формы. К белуджскому языку Моргенштерне неоднократно обращается и впоследствии в различных статьях.

С конца XIX в. и до настоящего времени различных вопросов белуджской этимологии и грамматики касались в работах, не посвященных специально белуджскому языку, Х. Бартоломе, В. Гейгер, П. Тедеско, Р. Готью и другие ученые.

Изучению языка (и фольклора) белуджей Туркмении положил начало И. И. Зарубин. На основании записей и наблюдений, сделанных им в 1927—1928 гг. в Мервском, Байрам-Алийском и Иолатанском районах Туркменской ССР, в 1930 г. в „Записках Коллегии Востоковедов“ он поместил работу „К изучению белуджского языка и фольклора“, в которой приведены этнографические данные, записи текстов и некоторые грамматические сведения. Он показал, что диалект белуджей Туркмении

¹ O. Mann. *Kurdisch-Persische Forschungen*, Abt. I, Berlin, 1909. (Введение).

² P. Tedesco. *Dialectologie...*, „Le Monde Oriental“, vol. XV, Uppsala, 1921.

³ G. Morgenstierne. *Report on a Linguistic Mission to North-Western India*. Oslo, 1932.

⁴ G. Morgenstierne. *Notes on Balochi Etymology*. NTS, V, 1932, стр. 36—53.

принадлежит к юго-западной группе белуджских диалектов, но отличается от диалектов, известных ранее и описанных В. Гейгером и Грирсоном (отсутствие „пассивной конструкции“, некоторые фонетические и лексические различия и др.) и более всего приближается к панджгурскому диалекту.

В 1932 г. И. И. Зарубин издал том „Белуджских сказок“, записанных им в 1928—1930 гг. от белуджской молодежи, учившейся в Мерве (и частью в Ленинграде). Книга включает 31 сказку в транскрипции с подстрочным переводом.

В 1949 г. вышла вторая часть „Белуджских сказок“, содержащая 14 сказок, записанных в первой половине 30-х годов от белуджей, учившихся в Ленинграде. В предисловии дан очерк фонетики белуджского языка, окончательно установлен его фонематический состав. Несколько изменена во второй части транскрипция (в соответствии с фонологическим принципом).

Специально фонетическими исследованиями в области белуджского языка занималась В. С. Соколова. Результаты ее работы — обстоятельная характеристика всех фонем, с подробными данными кимографической записи — включены в вышедшую в 1953 г. первую часть ее „Очерков по фонетике иранских языков“. Там же приводится фонологическая запись двух сказок (в той же транскрипции, что у И. И. Зарубина).

Настоящая работа построена, в основном, на текстах, собранных и изданных И. И. Зарубиным, хотя отчасти использованы некоторые ашхабадские издания на белуджском языке, а также тексты и слова из книги В. С. Соколовой.

МОРФОЛОГИЯ

§ 1. Все части речи белуджского языка можно сгруппировать в три неравных по объему класса:

1. **Система имени**, включающая в себя собственно имя, местоимение, числительное, наречие и прилагательное и объединяющаяся общим (с небольшими колебаниями) типом изменения по падежам и способностью иметь при себе предлоги, которые нельзя рассматривать отдельно от этой системы.

2. **Глагол**.

3. **Неизменяемые слова**, лишенные в предложении грамматической связи с другими словами: частицы, модальные слова, междометия и др.

1. Имя

1) Собственно имя

§ 2. Собственно имя имеет категории числа и падежа. Чисел — два: единственное и множественное. Падежей можно выделить четыре: нулевой (неоформленный), предложный, объектный и родительный.

Образец склонения имени:

brās — брат

Единств. число		Множеств. число
Н.	<i>brās</i>	<i>brās</i>
Пр.	} <i>brāsā</i>	<i>brāsān</i>
О.		<i>brāsānā</i>
Р.	<i>brāsáy</i>	<i>brāsānī</i>

Эта парадигма универсальна. У имен с исходом на гласный *-ī* показатель *-ā* йотируется:

tabībī — лечение, О. *tabībīyā*.

Родительный падеж ед. числа может иногда (особенно в собственных именах) иметь *-ī* вм. *-ay*:

Abbās — *Abbāsī*; но также *xudā* — *xudāī* „бог“, хотя *pādšā* — *pādšāy* „царь“.

Встречающиеся отдельные формы обращения:

māsī! — „мать!“ (II, 17); *pīrō!* — „дедушка!“ (I, 1), не позволяют еще делать вывод о существовании звательного падежа. Во мн. числе для обращения употребляется, повидимому, косвенный (предложный) падеж:

brāsān! — „братья!“ (II, 40).

а) Категория числа

§ 3. Мн. число имеет приметой *-ān* = перс. *-ān* < *-ānam*, окончание родительного падежа мн. числа от основ на *-a*. Но в белуджском языке, в отличие от персидского, эта форма продолжает ощущаться как косвенный падеж, отсюда:

1) В прямом (нулевом) падеже употребляется не эта форма, а та же, что в ед. числе (ср. в курд.). Она может восходить и к древнему именительному падежу мн. числа:

brās ātant — „братья пришли“ (II, 50).

2) Имя во мн. числе с предлогом не получает показателя *-ā*: *go zā-gān* — „с ребятами“ (II, 17).

Это и заставляет выделить особый предложный падеж.

§ 4. *Pluralia tantum*. Сюда относятся все так называемые вещественные имена: *gošt* — „мясо“; *brinj* — „рис“; *zarr* — „деньги“; *sor* — „золото“; *brinjānā réti* — „высыпал рис“ (II, 28).

Также некоторые другие: *naār* — „обед“:

naārānā ištant — „бросили обед“ (II, 28); *šām* = перс. *šam* — „вечер“;

bi šāmānī jalā — „в разгаре вечерней поры“ (ЗКВ, V, 664).

б) Категория падежа.
 Формы и значения падежей

§ 5. Нулевой падеж особой формы не имеет и равен основе имени.

Имя в нулевом падеже может быть:

1) подлежащим:

mazánen brās šīwár at — „старший брат был умный“ (II, 17).

2) предикативным членом: *šīwár* — „умный“ — в том же примере.

3) неконкретным прямым дополнением:

tī asp āp wart? — „твоя лошадь попьет воды?“ (I, 56); специально

с числительными:

eš du turág zúrtī — „он взял два мешка“ (II, 22).

4) именным членом составного глагола (в непосредственной связи с неконкретным прямым дополнением):

ziyán pkan — „уничтожь“ (II, 53).

§ 6. Предложный падеж выделяется как особый только во мн. числе, а в ед. числе одинаков с объектным. Употребляется с предлогами:

bi gisá — „домой“ (II, 19); *go zāgān* — „с ребятами“.

§ 7. Объектный падеж образуется показателем *-ā*, в ед. числе от основы имени, во мн. числе — от основы косвенных падежей мн. числа на *-ān*.

Имя в объектном падеже имеет значения:

1) конкретного прямого объекта:

singá zúrtī — „он взял камень“ (II, 17); возможна конструкция „двойного объектного“:

man būmā zindakā maylin — „я сову в живых не оставляю“ (II, 22).

2) косвенного объекта:

gúštī watī brāsā — „он сказал своему брату“ (II, 18).

3) обстоятельства:

zíen ročá — „вчера“ (II, 46).

§ 8. Происхождение показателя *-ā* неясно. Гейгер (Gr. 238) возводил его к *-ā* инструментального падежа от согласных основ. Готью (MSL, XX, 66) доказывает, что сохранение этого *-ā* невозможно, но *-ā* может восходить к аблативу, распространенному послелогом, ав. *-āda*, где *ā* должно было иметь силовое ударение. Однако показатель *-ā* не всегда ударен и не только аналогичен персидскому послелогу *-rā*, но в некоторых случаях заменяется на *-rā* (§§ 13, 22, 30). Аналогия с *-rā* усиливается, если учесть, что в таджикских говорах вместо литературного *-ро* употребляется *-а*, которое ставится также и при имени с предлогом: *bay Stalinoboda* — „в Сталинабад“¹. В формах предложного падежа *-ā* совпадает по функции с флексией (*-añ*), в формах объектного — с послело-

¹ Записано на Ванче.

гом (-rā). Возможно, что -ā есть результат слияния — формального и функционального — древней флексии и послелога¹.

§ 9. Родительный падеж образуется в ед. числе показателем -*ay*, во мн. числе — показателем -*ī*. Значение — притяжательное:

māsāy sarāg — „голова матери“ (II, 17).

Об употреблении родительного падежа в предложно-послеложных конструкциях см. § 43.

Чаще всего имя в родительном падеже служит притяжательным препозитивным определением. Но оно может (редко) менять место в предложении: *yak gumūde juwāyray* — „башня из драгоценностей“ (I, 48); может (нормально) выступать в роли предикативного члена (Genitivus Absolutus):

srā apt dēbay butāgī — „усадебная принадлежала семи диванам“ (II, 105).

§ 10. На форму родительного падежа может наращиваться показатель предложного-объектного падежа -*ā*. Наиболее распространенных случаев два:

1) С предлогами при именах, обозначающих одушевленных лиц, по значению = перс. *bā piš-e...*, *nāzd-e...*:

ātī bi pādīšāyūyā — „пошел к царю“ (II, 25).

2) При сравнении:

čo gušnāgāyūyā lagitant — „точно голодные, бросились“ (I, 91).

§ 11. Г. Моргенштерне (Acta Orientalia, XX, 257 и 259) возводит показатель -*āi* (*ay*) < -*ahya*. Но в таком случае для мн. числа соответствующей формой была бы форма на -*ān*, явно восходящая к родительному падежу. На самом же деле форме на -*ān* соответствует в ед. числе форма на -*ā*, и, наоборот, форме на -*ay* во мн. числе соответствует форма на -*ān-ī*. Естественнее считать, что в пред-белуджском языке, как и в других ранне-среднеиранских², существовала двухпадежная система, косвенный падеж которой сохраняется в современном предложном, а родительный падеж представляет новообразование. Показатели -*ay* и -*ī* можно свести к одному -*ī*, так как возможно -*ī* в ед. числе (§ 2) и возможно *ay* < *ā+ī*. В говорах, описанных Грирсоном, показатель родительного падежа -*ā*, трудно отличимое от -*ā* косвенного (предложного) падежа, но Ф. Мюллеру (Or. u. Oss., III, 83) уже известно и -*i*, которое он считает показателем препозитивного определения, „обратным изафетом“. Однако, в нашем говоре формы с -*ī* (соотв. -*ay*) обладают самостоятельностью даже большей, чем это было бы естественно и для падежной формы (присоединение показателя -*ā*). В этих формах ощущается значение самостоятельного имени, а именно — притяжательного прилагательного (ЗКВ, V), точнее — притяжательного

¹ В юго-зап. белуджском у Грирсона формы предложного падежа (Obliquus) имеют только -*ā*, форма объектного (Dativus) может принимать дополнительно -*rā* (-*ā -rā*).

² Ср. R. Gauthiot. De la réduction de la flexion nominale en iranien, MSL, XX, 2, стр. 61—70.

имени¹. Так объясняются формы с $-ā$: *bi pādīśāyūā* значит „к цареву“, к тому месту, которое принадлежит, относится к царю; *śo guśnāgayūā* — „как голодные“ возможно потому, что $-ā$ придает имени наречное значение (§ 7, п. 3), т. е. „как по-голодному“. И в атрибутивной функции формы родительного падежа при перемене порядка слов могут склоняться как самостоятельные имена: *zāgānā watīyānā ārti* — „он привел своих сыновей“ (I, 83)².

Но так как формы на $-au$ и $-ī$ универсальны, в подавляющем числе случаев употребляются как препозитивные притяжательные определения, и тенденция языка состоит, повидимому, в том, чтобы закрепить их в этой функции, то правильнее включить их в парадигму склонения имени, чем выделять в особый класс имен.

в) О характере системы изменения имени

§ 12. Современная белуджская система изменения имени складывается по крайней мере из трех исторически разнородных составных частей:

1) древняя флексия: $-ān$ косвенных падежей мн. числа; возможно, в какой-то степени также $-ā$ объектного и, особенно, предложного падежа ед. числа;

2) послелог: $-ā$, $-rā$ объектного падежа;

3) словообразовательные формы: родительный падеж.

Эти составные части в какой-то мере сохраняют свои особые свойства внутри общей системы: а) $-ān$ как древняя флексия примыкает к основе имени непосредственно; форма с $-ān$ ощущается как косвенный падеж и не принимает с предлогами универсального $-ā$; б) $-ā$, напротив, может наслаиваться как на чистую основу имени, так и на форму с $-ān$ и на форму родительного падежа, с одним и тем же значением; в) формы родительного падежа могут выступать в определенных случаях как самостоятельные имена.

Но все эти составные части объединяются в одну систему общими признаками: 1) универсальность употребления, независимо от типа основ, 2) возможность отнесения всех показателей не только к одному слову, но и к группе слов (сближение в системе словоизменения понятий „слово“ и „член предложения“)³.

bumāy dast-u pādānā band — „свяжи сове руки и ноги“ (II, 23); *Moskva, Leningrad, Xarkov va Donbasī kārgarān* — „рабочие Москвы,

¹ Для этимологии показателя $-ī$ ср. Geig. Gr. 247: *tayīg* — твой ($-īī$ нашего говора). Гейгер дает эту форму в образчике языка; в грамматике род. пад. не упоминается вообще.

² *watī* — род. пад. от возвратного местоимения *wat*. Для собственно имени притяжателя нет.

³ Ср. „сложные слова“ санскрита, т. е. времени относительной „молодости“ индо-европейской флексии.

Ленинграда, Харькова и Донбасса“; *ziyán bit be āp-u be nāpauyā* — „погибнет без воды и без пищи“.

Таким образом, различные флективные и аналитические способы выражения грамматических отношений имен стягиваются в общую систему склонения агглютинативного типа.

§ 13. А р т и к л ь. Неопределенный артикль *-e* соответствует тадж. *-e*, перс. *-i* (< *aiva — „один“). Присоединяется энклитически.

distant ki šāre — „увидели (какой-то) город“ (I, 124).

Часто артикль еще усиливается словом *yak* — „один“: *yak deḡāne at* — „был один крестьянин“ (II, 29).

Имя с артиклем не получает показателей падежей — предложного: *bi yak būme* — „одной сове“ (II, 19); объектного: *yak páse zīti* — „взял барака“ (II, 19); родительного: *bi yak pīrazāle dastā dāti* — „поручил (ее) одной старухе (= „дал в руки старухи“)“.

Для объектного падежа встречается показатель *-rā*: *yak gūle-rā āp-a bart* — „вода несет цветок“ (II, 101)¹.

г) Имя признака

§ 14. Внутри собственно имени можно (более или менее условно) провести разделение на два подкласса.

1) Имя предмета, обозначающее предмет безотносительно к его признакам: *gis* — „дом“; *siṅg* — „камень“.

2) Имя признака, обозначающее предмет по признаку. Сюда входят:

а) простые качественные имена: *ganók* — „глупый, дурак“, *mazán* — „старший, начальник“;

б) названия предметов, характеризующихся определенным признаком: *čol* — „пустынное место“, *tabliḡātči* — „агитатор“;

в) относительные имена: *brinjī* — „медный и т. п. Они образуются от имен предмета суффиксом *-ī* (перс. *ya-ye nesbāt*). Самостоятельно употребляются редко.

§ 15. Из имен признака качественные имена могут иметь отрицание *nā* — (перс. *na*): *nājoḡ* — „нездоровый“ (II, 40).

Формы сравнительной степени отсутствуют². Сравнение выражается аналогично разговорному таджикскому:

man šattā zór-un — „я тебя сильней“ (II, 39); предлог *ša* = тадж. *az*.

§ 16. Имя признака часто может в неоформленном виде служить обстоятельством (как наречие):

ē ki nok atāti — „та, которая вновь прибыла“ (II, 48);

man golōā wāmī dātun — „я теленка в долг продал“ (II, 19).

С артиклем:

zūte bōrit — „скорее ешьте“ (II, 27).

¹ По Гирсону имя с артиклем получает нормально *-ā*: *log* — „дом“, Dat. (объектн.) *logā*.

² Сравнительная степень на *-tir* (в словах *geštír* — „больше“, *geštír* — „лучше“) непродуктивна.

2) Прилагательное

§ 17. Прилагательное образуется от имени признака при помощи суффикса *-en* и является категорией промежуточной между особой частью речи и атрибутивной формой имени признака.

nok — noken — „новый“; *čol* — „пустынное место“ — *čolen* — „пустынный“; *tabliḡātčī — tabliḡātčien* — „агитатор“.

Прилагательные образуются и от других частей речи, выражающих признак — от числительного (§ 32—33), собственно наречия (§ 37—38), отглагольных имен (§ 89).

Суффикс *-en* < ур.-*aina*-, суффикс относительных прилагательных, перс. — *-in*: др.-перс. *aḡangaina* — „каменный“, перс. — *sāngin* — „тяжелый“, *čubin* — „деревянный“ и т. д.

В белуджском языке суффикс потерял это значение, стал универсальным грамматическим показателем прилагательного¹.

§ 18. Показатель *-en* имеет те же свойства, что и падежные показатели имени: универсальность, независимо от типа основ, и возможность отнесения к группе слов:

aḡilen taškīlātčī va tabliḡātčien mardum — „сознательные организаторы и агитаторы“.

Как правило, прилагательное противопоставляется имени признака как его атрибутивная форма:

ar šárte sákk int — „каждое условие трудно“ (одно трудней другого) (I, 115); *sakkén ráye* — „трудная дорога“ (I, 70).

Оно стоит перед определяемым и, как всякое препозитивное определение, не склоняется:

bi rástén ráhá — „по правой дороге“ (I, 70).

§ 19. Но нередко прилагательное меняет место в предложении:

yak táse brinjien — „медная чаша“ (I, 64); употребляется отдельно от определяемого:

bi ḡutīay-tā 13 kārāndāš at: 4 sabzen va ādga soren atant — „в коробке было 13 карандашей: 4 зеленых, а остальные — красные“ (П. 1, 36).

В этом случае оно склоняется, как обычное имя.

Ср. две фразы:

šútī bi mā matlabien bāgā — „пошел к тому вожделенному саду“ (I, 73) и *bi mā šārā matlabienā sar but* — „достиг того вожделенного города“ (I, 73).

Различия между таким самостоятельным прилагательным и собственно именем (признака) нет²:

agar bīt, yak murdáge, zindagéne na-int — „если будет (у тебя сын), то мертвый, а не живой“ (I, 121).

¹ Заимствованное уже с этим суффиксом перс. *muškīn* дает *muškīnen* — „мускусный, черный“ (II, 45).

² Такое прилагательное и в атрибутивном употреблении точнее считать приложением, а не определением.

§ 20. Между прилагательным и родительным падежом имени существует почти полная аналогия в грамматическом поведении. Они оба — по происхождению прилагательные и закрепляются в препозитивном атрибутивном употреблении, первое — как качественно-относительная атрибутивная форма имени признака, второй — как притяжательная атрибутивная форма всякого имени. Иногда их функции переплетаются:

yak singáyu gise — „каменный дом“ (I, 17). Ожидалось бы *singíen;
tī am-rángay memán — „гости вроде тебя“ (I, 76) и *ame rangén awále ast* — „вот каково положение“ (I, 85).

3) Местоимения

§ 21. Местоимения с формальной стороны выделяются по следующим признакам:

- 1) Некоторые особенности в формах склонения.
- 2) Возможность служить определением без специального оформления (для указательных и определительных местоимений).

а) Личные местоимения 1-го и 2-го лица

§ 22. 1 л. ед. числа *man*, перс. *mān* < *manā* (род. пад.); 1 л. мн. числа *ammā*, ср.-перс. *amā*, ав. *ahmākəm* (род. пад.) — *mm* возможно < *hm*.

2 л. ед. числа *ta*, в других говорах *tau* < *tava* (род. пад.).

2 л. мн. числа *šmā*, перс. *šoma*, ав. *xšmākəm* (род. пад.).

1-е включительное — „мы с тобой“ или „мы с вами“ — *mašmā* (II, 128 — *mišmā*) < *man?* + *šmā*.

Склонение

	1-е лицо	2-е лицо	1-е включит.
Единственное число			
Н. Пр.	<i>man</i>	<i>ta</i>	
О.	<i>mnā</i>	<i>trā</i>	
Р.	<i>mnī</i>	<i>tī</i>	
Множественное число			
Н. Пр.	<i>amma</i>	<i>šmā</i>	<i>mašmā</i>
О.	<i>ammā-rā</i>	<i>šmā-ra</i>	<i>mašmā-rā</i>
Р.	<i>ammáy</i>	<i>šmay</i>	<i>mašmáy</i>

Происхождение от форм косвенного падежа обусловило совпадение прямого падежа с предложным. В остальном склонение идет по общему именному типу, но с употреблением *-rā* для объектного падежа и с некоторыми стяжениями.

Значения падежных форм — общие (§§ 5—10).

б) Местоимения 3-го лица и указательные

§ 23. 1) *e*, *eš* — „он, этот“.

	Единственное число	Множественное число
Н.	<i>e</i> , <i>eš</i>	<i>e</i> , <i>eš</i>
Пр.	<i>ešī</i>	<i>ešān</i>
О.	<i>ešā</i>	<i>ešānā</i>
Р.	<i>ešī</i>	<i>ešānī</i>

eš < *aiša*- (ав. *aēšō*) — именительный падеж ед. числа. Все остальные формы образовывались от основы **aita*-. Поэтому *eš* нулевой падеж мн. числа и *ešān* — новообразования по аналогии с именами (очевидно, среднеиранского периода, ср. Salemann Gr., § 74). Остальные формы — позднее новообразование. Интересен предложный падеж *ešī* (ср. далее *āī*). *e* может и < **aita*- и < **aina*, перс. *in*. Salemann Gr., § 74 и Tedesco DdWiTt. 216: ср.-перс. *ē rāy* < *ēd* (< *aita*). Но в белуджском есть и *en* (I, 132).

2) *ā* — „он, тот“.

	Единственное число	Множественное число
Н.	<i>ā</i>	<i>ā</i> , <i>āwānā</i>
Пр.	<i>āī</i>	<i>āwān</i>
О.	<i>āī-rā</i>	<i>āwānā</i>
Р.	<i>āī</i>	<i>āwānī</i>

ā может соответствовать не перс. *an*¹, а др.-перс. *hauw*, *awa*, сев.-зап. турф. *hau* — из-за точного соответствия в формах с курд. *aw*, косвенный падеж *awī*, прямой падеж мн. числа *aw*, *awānā*.

Тогда система указательных местоимений белуджского языка оказалась бы прямым продолжением древнеперсидской — *ima*², *aita*-, *hauw*-, в отличие от новоперсидской (ср. Tedesco DdWiTt. 215—217).

3) Оба местоимения могут усиливаться частицей *am*, перс. *hām*:

amēš, *amé*, *me* — „он (самый), этот (самый)“;

amā, *mā* — „он (самый), тот (самый)“.

§ 24. Эти местоимения склоняются только в самостоятельном употреблении (как личные). В атрибутивном употреблении (как указательные) не изменяются.

1) Самостоятельно:

Н. *eš du turág zúrī* — „он взял два мешка“ (II, 22);

¹ Так считает Geig. Gr., § 15. Впрочем, ему были известны из других форм только формы мн. числа *āwān*, *āhān*.

² В отдельных словах: *maročī* — „сегодня“.

ā-am ičči na guštī — „и он ничего не сказал“ (II, 18);

ā āūrtant-ī — „они его привели“ (II, 36).

Пр. *aššā zīti š-āi* — „взял у него жернов“ (II, 28).

Об. *būm ešānā dīstī* — „сова увидела их“ (II, 22).

Род. *ešāni mazān* — „их начальник“ (II, 27);

āi brās — „его брат“ (II, 23);

с *-ā*: *ātī bi ešāniyā* — „подъехал к ним“ (II, 28).

Мн. число этих местоимений употребляется также в отвлеченном смысле: „то“, „это“ (как мн. число ср. рода в греч., лат.):

amešānā soj kan — „спроси об этом“ (II, 35).

2) Атрибутивно:

ā uštūr — „тот верблюд“ (II, 31); *go ā pādīšāā bguš* — „скажи тому царю“ (II, 32); *e swārānā tawār kūrī* — „закричал этим всадникам“ (II, 36).

§ 25. Противопоставление *e* и *ā* по значению проводится:

ā bi eši sayl kūrī, *e bi āi* — „та смотрела на эту, эта — на ту“ (II, 48); но не всегда четко:

ar sāl ešā kišīn, *a bi-mman ič paydāe na dant* — „каждый год я ее (землю) засеваю, а она мне никакой пользы не приносит“ (II, 30).

в) Энклитические местоимения

- § 26. 1 л. ед. числа *-un* (очень редко);
 2 л. ед. числа — (Geig. Gr., § 15: *-it*);
 3 л. ед. числа *-ī* (очень часто).
 3 л. мн. числа *-iš*

Для *-ī* ср. курд. *-e*, Kālūn-Abdūi *-ī* (Мапп К-Р. F, I, 135), *ī* в Кохруді, Сои (Мапп со ссылкой на Жуковского).

Слияние энклитического *-ī* с *-ā* падежного показателя дает дифтонг *-au*. Значения:

1) possessивное:

laškar-un bāz at — „мое войско было велико“ (ЗКВ, V, 669);

rič-u pošān-ī am irāγān-ī go aspāy (= *aspā-ī*) *zūrī* — „а одежду его и оружие забрал с конем вместе“ (II, 42);

čamm-iš bi pariγān káptant — „их взгляд упал на пери“ (II, 87);

2) объектное:

dušmān-ī dātī — „он стал ее ругать“ (II, 22); *pa čínka zináy-ī?* „за сколько купишь его?“ (II, 19); *bgirit-iš* — „возьмите их“ (1,92).

г) Определительные местоимения

§ 27. Сюда относятся имена с отвлеченным значением признака, которые служат определениями, не получая оформления: *ar* — „каждый“, перс. *hār*.

ar sāl — „каждый год“ (II, 29).

ič — „никакой“, перс. *hič*.

ā bi-mman ič paydāe na dant — „она мне не приносит никакой пользы“ (II, 30).

gidār, gidá — „другой“, перс. *digār* (метатеза в белуджском).

gidá mardúm ma-zānt — „чтобы другой человек не узнал“ (II, 33).

plāná — „такой-то“, перс. *folan*.

plāná pādšā — „такой-то царь“ (I, 41).

gujám (вопросительное) — „какой, который“, Pierce — *kudān*, сев.-вост.-бел. *khutān, kethan* (Morgenstierne, NTS, V, Et. № 58), перс. *kodam*.

gujám gorrá — „из-за какой могилы“ (II, 47).

д) Самостоятельные местоимения

Сюда относятся имена с отвлеченным значением предмета. В склонении имеют некоторые особенности.

§ 28. Вопросительные: 1) *kay* — „кто“, ср.-перс. *kē* < *kahya (Nyberg Gl 128). Род. пад. *kī*.

ešā kay dem dāt? — „кто это прислал?“ (II, 37);

ta kī zāg-ay? — „ты чей сын?“ (I, 211).

2) *če* — „что“, ср.-перс. *čē* < *čahya (Nyberg Gl. 44).

Пр. *če, čēwā*. Род. пад. *čeway*.

abār če-int? — „в чем дело“ (I, 14);

če soj kurt? — „что он спросил?“ (I, 16);

račē? — „зачем?“ (II, 21);

ra čēwā? — „о чем?“ (II, 30);

e čēway on átant? — „Чья это была кровь?“ (II, 120).

§ 29. Неопределенные: 1) С элементами *kas, ka* — „некто“ и *čī* — „нечто“. *kas* < ир. **kasčit, čī* < ир. *čisčit < *čitčit. Тедеско считает заимствованным из перс., так как сев.-зап. диалекты должны иметь *kaš* < *kašči (DdWiTt. 209—215). Род. пад. *kašī*.

а) *ar ka* — „каждый; каждый, кто...; кто бы ни...“; *ar čī* — „что бы ни...“;

ār ka wātī zarr-u sōrānā čer kúrtī — „каждый спрятал свои деньги и золото“ (II, 24);

ar kašī asp ki ša xandāxā kup kant, wātī jinikkā bi amāī dant — „чья лошадь через ров перепрыгнет, тому он отдаст свою дочь“ (II, 44);

ar čī ki pursáy, purs — „все, что ты хочешь спросить, спрашивай“ (I, 14).

Сюда же примыкает *ar gujám* — „каждый, который бы ни...“:

ar gujāme-rā — „каждому“ (II, 122);

б) *ič-ka* (s) — „никто“;

ič-čī — „ничто“;

gidār ič-kas na-zānt — „больше никто не знает“ (II, 35);

ič-ka ešā drust ma-kant — „никто его и не узнает“ (II, 45);

ičči na guštī — „он ничего не сказал“ (II, 18).

Примечание: *ka(s)* обозначает также количество:
en ka mnā pa kār na-int — „мне столько не надо“ (I, 132);
azār gāmāy kasā — „пространство (вин. пад.) в тысячу шагов“
 (I, 81);
čínka? — „сколько?“, *pa čínka zināy-ī?* — „за сколько купишь его?“
 (II, 19).

2) с артиклем:

yákke — „кто-то“, „кто-нибудь“;

číze — „что-то“, „что-нибудь“.

ta gisā sayl kan ki yákke číze ma zūrīt — „ты смотри за домом, чтобы кто чего не взял“ (II, 20).

То же значение имеют *yak kāse* (I, 31), *yak číze* (II, 52).

§ 30. Возвратное: 1) *wat*, ав. *x^hatō*, тадж. *xud*.

Пр. пад. *wat*, Об. пад. *watrā*, Род. пад. *watī*.

wāt-am bālā bātant — „и сами забрались наверх“ (II, 27);

aššā go wat bālā kurtī — „поднял с собой жернов“ (II, 27);

čon watrā alās pkanín? — „как нам освободиться?“ (II, 34);

go watī māsā — „со своей матерью“ (II, 17).

2) В значении возвратного местоимения употребляется также слово *jind* „тело“ (ср. ар. *nafs*):

jinnikkóay jind — „сама девушка“ (II, 65);

bittī jindāy šārāy-tā — „в собственном твоём городе“ (II, 121).

4) Числительные

Количественные числительные.

§ 31. Истинно белуджские формы от персидских заимствований отличить трудно.

1 — *yak*; 2 — *du*; 3 — *say*; 4 — *čār*; 5 — *panč*; 6 — *šāš*; 7 — *apt*; 8 — *ašt*; 9 — *no*; 10 — *dā*; 11 — *yāzdā*; 14 — *čārdā*; 20 — *gīst* < *vīsati*, и заимств. *bīst*; 30 — *sī*; 40 — *čil*; 50 — *panjā*; 100 — *sad*; 300 — *se-sad*; 1 000 — *azār*.

Для приближенного счета (например, русск. „человек десять“) употребляются сочетания с *yak* — *yak dā*.

§ 32. Обозначая количество предметов, числительные, не изменяясь, стоят перед именем в ед. числе:

srā apt debāy būtāgī — „усадебна принадлежала семи диванам“ (II, 105).

Употребляясь самостоятельно, они изменяются по общему типу: *dā āmurg zītan, duwā š-ešān pakkitan* — „мы взяли 10 яиц, два из них сварили“ (II, I, 16).

От количественных числительных образуются прилагательные со значением перс. *segané, čargané* и т. д. Они употребляются очень часто вместо простых числительных — всегда, когда речь идет об уже известных предметах:

e pādīšā dāštī čil jinén. ešī ar čillén jinén... — „у этого царя было сорок жен. Все его сорок жен...“ (II, 98).

Самостоятельно;

ešānī ar duénānī wādā-int — „у них обоих уговор“ (I, 11).

§ 33. Порядковые числительные имеют форму прилагательного с суффиксами — *im + i + en*

1-й *awālen, awālīen, yakkumīen*;

2-й *dumīen*;

3-й *sayumīen*;

4-й *čārumīen* и т. д.

§ 34. Разделительные числительные образуются повторением количественного: *yak-yak* — „по-одному“, *du-du* по-два.

От них могут быть образованы прилагательные: *yak-yaken gūgird* — „отдельные (= по одной взятые) спички“ (П. I, 29).

5) Нумеративы и имена количества

§ 35. Обязательных нумеративов белуджский язык не имеет.

Названия счетных единиц ставятся между числительным и именем без оформления:

čil xarwār ārtā bi ātišay čerā kurtā — „положил 40 ослиных вьюков муки под огонь“ (I, 139);

yak istikān čāay kimat — „цена одного стакана чая“ (П. I, 27).

Но там же *istikānay čāay kimat*.

Так же (без оформления) присоединяются имена местоименного характера и словосочетания, обозначающие количество:

yak čunt mardūmā loḡitī — „позвал несколько человек“ (II, 18).

6) Наречие

§ 36. Класс наречия входит в общую систему имени, так как включает в себя имена признака, формы предложно-объектного падежа имен и слова, способные иметь при себе предлоги. Наречие выделяется в системе имени как особый класс преимущественно обстоятельственным употреблением слов, входящих в него, и тенденцией к потере склонения.

Сюда входят:

- 1) собственно наречия и имена признака,
- 2) формы предложно-объектного падежа имен,
- 3) другие застывшие именные формы.

а) Собственно наречия и имена признака

§ 37. 1) Места:

gujā — „где, куда“. *g^o* — в результате ассимиляции по звонкости.

idān, édā, amidān — „здесь“ (Geig. Et. № 164 ав. *īda*);

ādān, ódā, ódān, amódān, amádān — „там“, *-ā* здесь и в предыдущем — позднее распространение (см. § 40).

gujángur, gujángo — „в какой стороне, в какую сторону“;

íngo, amíngur, idíngu — „в этой стороне“;

ángo, amángo — „в той стороне“.

2) Времени:

kadé, kadén — „когда“. Geig. Et. № 182: ав. *kaða*.

(Но с каким-то распространением: суффикс прилагательного?)

nun, annun — „сейчас“;

gúḍān — „тогда, потом“;

āngāt, tángāt — „еще“.

3) Образа действия:

čon? — „как?“;

e ḍawl — „так“;

gon — „вместе“ (II, 120).

§ 38. Именной характер даже этих наречий проявляется в том, что:

1) они могут принимать предлоги (но обычно не принимают показателя предложного падежа):

ša gujá, ša gujángo — „откуда“;

ša amángo — „с той стороны“;

ša-nnun — „отныне“;

š-idíngu — „впредь“ (II, 124).

2) некоторые из них могут склоняться:

ā e ḍawlá kant — „она так делает“;

če ḍawláy šart ant? — „каковы условия?“ (I, 115).

3) от них могут образовываться прилагательные, как от имен признака:

nunen — „теперешний“;

čūnen — „какой“ (даже *čonénen*, I, 128);

e ḍawlén — „такой“.

Собственно наречия близки, таким образом, к именам признака (и значение их — признак), а в некоторых случаях трудно от них отличимы (*e ḍawl, amerang* и т. д.).

§ 39. По типу относительного имени признака на *-ī* (§ 14, 2в) образуется много слов, употребляемых преимущественно в обстоятельном значении:

čáštī — „в полдень“. В конструкции с предлогом *ta čáštī* — „до полудня“ (II, 44), с одной стороны, выявляется первоначальное значение слова *čáštī* — нечто полуденное = „полуденное время“, с другой — отсутствие показателя предложного падежа (*ta čáštīyā) показывает, что здесь наречие грамматически начинает выделяться из общей системы имени как особый класс слов (ср. *ša nokā* — „снова“).

Другие наречия на *-ī*:

maróčī — „сегодня“ (II, 19);

póšī — „послезавтра“ (II, 20);

šapī — „ночью“ (II, 75);

došī — „сегодня ночью“ (II, 131);

šap-nemáǵī — „в полночь“ (II, 93);
imbaráñī — „в этом году“ (II, 111);
demāī — „вперед“ (II, 22);
do-demī — „лицом к лицу“ (ЗКВ V, 664);
padóī — „обратно“ (II, 105);
tané(w)xti — „до сих пор“ (II, 39);
zubāñī — „устно“ (П. 1, 14) и т. д.

б) Имя в предложно-объектном падеже

§ 40. В значении наречия (см. § 7, п. 3) может употребляться и прилагательное: *tāri* — „на утро“ (I, 132), но и *tāriēnā* (I, 129). Сюда же надо отнести и род. пад. с *-ā* (§ 11).

Показатель *-ā* склонны получать и собственно наречия: *éda*, *ódā*; наряду с *gúdan*, *amódan* — *gúđinā*; *amóđinā*.

в) Другие застывшие именные формы

§ 41. 1) Имя с предлогом можно причислять к наречиям постольку, поскольку оно превращается в застывшее сочетание (обычно без показателя предложного падежа).

ra ame tārik — „таким образом“ (стало быть);

ra āsāñī — „легко“ (не трудно).

2) к наречиям можно отнести имена и сочетания, потерявшие собственно именное употребление и закрепившиеся в обстоятельственном значении:

dwārá — „снова“, перс. *dobaré*;

tānāxten — „пока“ (форма прилагательного от *tā (*ān?*) *waxt?*);

yagga — „вдруг, сразу“ (*yak+ga*, перс. *gah*, *gāh*);

heč waxt — „никогда“ (займств.) и т. д.

7) Предлоги

§ 42. Предлогов немного.

1) *bi* (Зарубин ЗКВ V: займств.), выражает:

а) местонахождение:

mānt bi gisá — „остался дома“ (II, 17);

б) направление:

bi gisá — „домой“ (II, 19).

2) *ra*, ср.-перс. *rad* < *patiy*:

а) направление, но не в пространственном, а в отвлеченном значении:

rat̄ta — „тебе“ (II, 19), = „для тебя“;

ra bāá — „на продажу“ (II, 18);

б) другие отвлеченные значения:

pa xudāi parmānā — „по божьей воле“ (II, 27);

ār-ka pa-wāt būt — „каждый думал только о себе“ (II, 28);

pa say ʔarān — „за три крана“ (II, 19);

parmān-am soj kan — „спроси и обо мне“ (II, 30).

3) *ša* — из *hača* должно бы дать в юго-зап. бел. *ač* (что мы и находим в остальных говорах); с *š* — заимствовано из сев.-вост. бел.; аналогично перс. *āz*:

šamman — „от меня“ (II, 22);

ša pādišāy hazānāgā — „из царской казны“ (II, 23);

šattā soj-a na kánant — „у тебя не спрашивают“ (II, 23);

š-ešān bill — „оставь их“ (II, 28);

š-aí ki šammān šoj-a kanāy, būmā soj pkan — „чем у меня спрашивать, спроси (лучше) сову“ (II, 23).

4) *go* — „с“. Geig. Et. № 124: *go* < *gwa*, ср.-перс. *awā*, перс. *ba*. Но *gw* < ир. *v*, а не *p* (> ср.-перс. *w*).

Выражает:

а) совместность:

go zāgān — „с ребятами“ (II, 17);

б) орудность:

go singā — „камнем“ (II, 18);

в) направление речи или действия:

gūštī go pādišā — „сказал царю“ (II, 24).

man go šmā kār dārín — „у меня к Вам дело“ (II, 20);

go ta čon kúrtun — „что я с тобой (=тебе) сделал“ (II, 23);

go man kumák pkánit — „помогите мне“ (II, 18).

5) *ta, tā* — „до“, перс. *ta*:

ta nemāgā — „до половины“ (II, 44).

6) *dēmi* означает направление к одушевленному предмету: *e dēmi man kāyánt* — „они подходят ко мне“ (II, 22);

tawārā prēntī dēmi būmā — „закричал на сову“ (II, 22).

7) *mānandi* — „подобно“, заимствование из персидского:

mānandi murtāgen robāe — „как будто мертвая лисица“ (II, 61).

8) Послелог

§ 43. Малое количество предлогов при очень общем их значении компенсируется широким употреблением предложно-послеложных конструкций, аналогичных персидским „сложным предлогам“ типа *bā zir-e derāxt*. В соответствии с грамматическим строем белуджского языка, лексический элемент этого „сложного предлога“ (*zir*), будучи формально определяемым, ставится в предложном падеже после имени в родительном пад.: *bi draxtāy čērā*.

Такие послелогии вообще являются самостоятельными именами, но некоторые из них уже прочно закрепились в послеложном употреблении:

- 1) *sarā* — „верх“, *sar* — „голова“;
bālā būt bi draxtáy sarā — „взобрался на дерево“ (II, 26);
er káptant ša draxtáy sarā — „спустились с дерева“ (II, 28);
 иногда и без предлога:
ammáy sarā pādišā wām dārīt — „у царя долг за нами“ (II, 24).
- 2) *tā* — „внутри“, может быть, стяжение из *tahā* (*tah* перс. *tāh*):
rinday tahā — „среди рындов“ (ЗКВ V, 664);
bi watī konḡáy-tā putritī — „забралась внутрь гнезда“ (II, 22);
ša konḡáy-tā kaššitī — „вытащил из гнезда“ (II, 22). Вся конструкция (имя с послелогом *tā*) может стоять в род. пад. и определять другое имя:
watī šišāgay-tay (ā+i) āpānā warīn — „попью воды из своей бутылки“ (II, 84);
- 3) *čérā* — „под“, Geig. Et. № 63: *hača adara*, перс. *zir. čer kaptin* — „прятаться“, *er kaptin* — „спускаться“;
bi amé draxtānī čérā er kúrtañt — „расположились как раз под этими деревьями (II, 27).
- 4) *padā* — „за, следом“, *pad* — „след“, перс. *pey. pa tāsáy padā* — „за чашей (пошел)“ (II, 24);
ša mašmáy padā kayt — „следом за нами идет (II, 26).
- 5) послелог, или, по крайней мере, зачатки их, можно видеть в таких выражениях:
bi tāsáy demā say soráy tik lačitā — „к чаше пристали три золотых монеты (II, 24); *dem* — „лицо“;
bi watī konḡáy dapā — „перед своим гнездом“ (II, 19) = „у рхода в свое гнездо“. *dap* < *dafan, перс. *dāhān* — „рот“; *ništa bi Dūdaay gwarā* — „приютилась подле Дуды“ (ЗКВ V, 664); *gwar*, перс. *bār* — „грудь“;
bi lépay talā dātī — „завернул в одеяло“ (II, 17);
bi watī māsáy kinikkā — „около своей матери“ (II, 17).

2. Глагол

§ 44. Белуджский глагол имеет следующие формы:

1) формы полной парадигмы спряжения (собственно глагол), различающиеся между собой временными, видовыми и модальными значениями: а) настоящее-будущее время, б) аорист, в) простое прошедшее, г) прошедшее длительное, д) перфект, е) плюсквамперфект, ж) ирреальная форма.

Формы настоящего-будущего времени, простого прошедшего, прошедшего длительного, перфекта и плюсквамперфекта можно объединить в изъявительное наклонение, а аорист и ирреальную форму — в сослагательное наклонение;

2) форма неполного спряжения — повелительное наклонение;

3) неспрягаемые (именные) формы: а) причастие прошедшего времени, б) отглагольные имена, по большей части уже выходящие из системы глагола.

1) Глагол-связка

§ 45. Глагол-связка имеет только настоящее и простое прошедшее времена.

1. Настоящее время (формы употребляются энклитически).

	Единственное число	Множественное число
1 л.	- <i>un</i>	- <i>an</i>
2 л.	- <i>ay</i>	- <i>it</i>
3 л.	- <i>int</i>	- <i>ant</i>

man š-e warnāān getir ū-un — „я не лучше этих молодцев“ (II, 47);
ta kāy-ay? — „ты кто такой?“ (II, 54);
mās gūj-int? — „где мать?“ (II, 17).

При гласном исходе предыдущего слова может появляться вставочное *w*:

ta jinen-zāge way — „ты девица“ (II, 35).

В настоящем времени именное сказуемое может вводиться и без связки (ср. в разговорном тадж.):

ā če mardūme? — „что он за человек?“ (I, 12).

2. Прошедшее время.

В прошедшем времени связка спрягается по общему глагольному типу. Происхождение основы *at* — неясно.

	Единственное число	Множественное число
	(¹)	(¹)
1 л.	<i>atun</i>	<i>atan</i>
2 л.	<i>atay</i>	<i>atit</i>
3 л.	<i>at</i>	<i>atant</i>

amā kargošk-am и *amé āū-am mán-itun* — „и тот заяц, и эта газель — все это был я“ (I, 7);

du brās atant — „были два брата“ (II, 17).

2) Глагол существительный

§ 46. Так, в отличие от связки, можно называть глагол с значением „есть, имеется“, соответствующий персидскому *hāst*. Формы его:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>ástun</i>	[<i>astan</i>]
2 л.	<i>astáy</i>	[<i>astit</i>]
3 л.	<i>ast</i>	[<i>astant</i>]

disti ki ĉe zárre-u sóre ast — „увидел, сколько там золота и денег“ (II, 23).

Иногда по значению этот глагол совпадает со связкой, но он всегда более самостоятелен:

ta amá mardúm ná-way? ástun — „ты не тот самый человек? — Тот.“ (I, 30).

3) Глагольные основы

§ 47. Все остальные глаголы образуют формы от двух основ.

1) Основа настоящего времени (I) (продолжает древнюю основу настоящего времени). Из спрягаемых форм от нее образуются:

- а) настоящее-будущее время,
- б) аорист,
- в) повелительное наклонение.

2. Основа прошедшего времени (II) (продолжает древнее пассивное причастие перфекта). От нее образуются:

- а) простое прошедшее,
- б) прошедшее длительное,
- в) перфект,
- г) плюсквамперфект,
- д) ирреальная форма.

4) Типы образования основ

а) Правильное образование основ

§ 48. Основа прошедшего времени = основе настоящего времени + *-t* или *-it*:

- 1) *guš* — *gušt* — „говорить“;
- 2) *kap* — *kapt* — „падать“, курд. — *kəw*;
- 3) *ras* — *rast* — „достигать“, перс. *rāsīdān*;
- 4) *šān* — *šānt* — „отряхивать“;
- 5) *kuš* — *kušt* — „убивать“, перс. *koštān*;
- 6) *zān* — *zānt* — „знать“, перс. *danestān*;
- 7) *kaš* — *kašit* — „тянуть“, перс. *kāšīdān*;
- 8) *tač* — *tačit* — „течь“ $\sqrt{tak}$, *tačit* — новообразование вм. $*tāt < taxt$;
- 9) *sāt* — *sātit* — „оберегать, устраивать“;
- 10) *truss* — *trussit* — „пугаться“, перс. *tārsīdān*.

б) Изменения формы основ вследствие звуковых переходов

§ 49. $\check{c} - \circ < x$. Древние корни на $-k$, перс. $z - x$.

- 1) *doč* — *dot* — „шить“ $\sqrt{*dauk}$, перс. *duz* — *dux*;
- 2) *meč* — *met* — „сосать“, перс. *māzīdān*, ср.-перс. *mīzīdan* (Geig.—Et. № 235);

- 3) *reč—ret* — „лить“, тадж. *rez—rext*;
 4) *soč—soť* — „гореть, жечь“, тадж. *sûz—sûxt*;
 5) *pač—pakkit*. $\sqrt{\text{пак}}$ (Barth. Wb 819).

Основа II непонятна. Должно бы быть *pat (Грирсон *pata, patka*), перс. *pâz—poxt* или „правильное“ новообразование *pačit. Значение — „варить, печь“.

§ 50. *s—š* единично.

nimis—nimišt (но и *nimist*) — „писать“. Заимств. из перс.

§ 51. *z—s* — ассимиляция с глухим *t*.

gwaz—gwast — „проходить“. Bartholomae Wb. 1386 $\sqrt{\text{vaz}}$.

§ 52. *ard—aş*; $^{\circ}ašt < rd+št$.

1) *gard—gašt* — „вертеться“. Заимств. из перс.: бел. было бы **gw < v*. (Geiger LW № 70).

2) *dār—dāšt* — „иметь“, перс. *dar—dašt*. Salemann Gr. 267: по аналогии с основами на *-rd*. Габри *dār—dārt* (Geig. Gr. 394).

§ 53. *l—š* — основы на *-rz*.

il—išt — „оставлять“, перс. *hel—hešt* (**hrzati—hršta*).

§ 54. *gre(w)—gret* — „плакать“, перс. *gery—gerest*.

§ 55. *jī—jīst* — „прыгнуть“, „убежать“, перс. *jāh—jāst*.

§ 56. Различия в долготе гласного (вторичные):

1) *wān—want* — „читать“, перс. *xan—xand*.

2) *war—wārt* — „есть“, ранне-н.-перс. *x̣ar—x̣ard*.

в) Изменения формы основ вследствие старых различий в образовании основы настоящего времени и причастия на *-ta*

§ 57. Основа настоящего времени — со средней степенью огласовки, причастие — с нулевой степенью.

o—u (au—u)

1) *rop—rupt* — „мести“, перс. *rub—roft*;

2) *šod—šust* — „мыть“, перс. *šuy—šost*. $\sqrt{\text{xšud}}$ (Salemann Gr. 301) *št || st* ср. *nimist*; *šust* могло появиться *š* в результате ассимиляции.

3) *doš—dušt* — „доить“. Новообразование по аналогии с этим типом, так как перс. *duš—doxt* указывает на $\sqrt{\text{dauk}}$. Основа I из **dauх-š-* (15 класс, Barth. Gr. 76).

§ 58. *ar-ur (ar-ŕ)*

1) *bar—burt* — „нести“, перс. *bār—bord (bara—brta)*.

2) *ār—āurt* — „приносить“. $\sqrt{\text{bar}+ā}$, развитие, как в перс., ср. перс. разг. *avord*.

§ 59. *a(y)—ū (av—u)*.

ba(y)—būt — „становиться“, $\sqrt{\text{bū}}$. Основа II нормально $< bū-ta$; основа I *bay < bav*, ср. Tedesco DdWiTt. 197: *gōvēd > gōyād*. Но воз-

можно $ba(y) < bu$, ср. гат. *bva'nti* — они должны быть (Bartholomae Gr. 68).

§ 60. *an-a (an-n)*

jan — jat — „бить“, перс. *zān — zād*.

Распространенные основы настоящего времени

§ 61. Удвоенная основа.

ust — oštāt, uštāt, √stā. I. *ava-hišt-ati*, II. *ava-stā-ta*. Колебания *st — št*.

В перс. — другой префикс.

§ 62. Основы с носовым суффиксом.

1) *čin — čit* — „собирать“. В перс. *čīdān ī* по аналогии с другими инфинитивами (Salemann Gr. 272).

2) *zin — zit* — „брать, покупать“. Barth. Wb.: ав. *zyā* — „вредить“, осн. II *zinā* — причастие перфекта др.-перс. *dīta*.

3) *kan — kurt* — „делать“, перс. *kon — kard*. Те же **kṛnu- — kṛta-*, но с разным отражением *r*.

4) *uškin — uškint* — „слышать“ — новообразование, если прав Моргенштерне (Et № 8): *uškunag — uškut < ав. uš — „ухо“ + √kar*.

§ 63. Основы с носовым инфиксом.

1) *band — bast* — „вязать“, перс. *bānd — bāst*.

2) *sind — sist* — „рвать“, *√saēd* (Barth. Wb. 1547), перс. *go-sestān* (лат. *scindo — scissum*).

3) *nind — ništ* — „сидеть“. Может быть основа I просто по аналогии с предыдущими.

§ 64. Основы на *-s* (инхоативные).

1) *wasp — wapt* — „спать“ (заснуть), перс. *xosp — xoft* с той же метатезой *ps > sp*.

2) *muš — mušt* — „мазать, тереть“, перс. *moštān*. (**mṛx-š — *mṛšta*, Barth. Gr. 76).

§ 65. Основы на *-ya-*.

1) *da(y) — dāt* — „давать“, *√dā*. Tedesco DdWiTt. 225: бел. *dē* — предполагает **dē* (**daya-*) и может быть, заимствовано из индийских, так как только в бел. и афг. (*li*) есть основа *daya-*, *dāya-* (Barth. Wb. 711).

2) *mir — murt* — „умирать“, перс. *mir — mord*. (*mṛya- — mṛta-*).

3) *gir — gipt* — „брать“, *√grb*; *gir < *grbya* (Tedesco DdWiTt. 226); *gipt < *grbta*.

§ 66. Супплетивные основы. 1) *āy — āt* — „приходить“. *ay-*, *√i*, перс. *ay-*; *āt*, сев.-вост. бел. *āxt*, крд. *hāt*, Kālūn-Abdūi *āt*, сев.-зап. турф. *āyaḍ < *āyata* (Tedesco, DdWiTt. 229) *< *ā + gṃ + ta, √gam*.

2) *gind — dist* — „видеть“. *gind-*, *√vid*; *dist*, *√dā(y)*, причастие перфекта *°dita*. перс. *did* (Barth. Wb. 724). *dist* — контаминация из **vist* и **dit* (Morgenstierne Et. № 25).

3) *raw — šut* — „уходить“, *raw*, перс. *rāv-*; *šut*, перс. *šod*.

4) *dī* — „бить“. В прошедшем времени *jat*.

Каузатив

§ 67. 1) Сохранились, лексикализовавшись, остатки древних каузативов (с подъемом коренного гласного):

pruš — *prušť* — „разбиться“,

proš — *prošť* — „разбить“.

Но замеченного Гирсоном противопоставления *suč* — *soč* нет.

2) продуктивен тип каузативных основ на *-en*; основа II = основе I + *t*.

gardent — „вернул“, от *gard*, перс. *gärdand*.

pren — *prent* — „бросать“, перс. *pärrand*?

Иногда *-en* прибавляется и к старой каузативной основе:

gwāzen — *gwāzent* — „переводить, перевозить“, от *gwaz*.

Показатель каузатива *-en*, ср.-перс. *-ēn* (реже *-ān*) см. Залеман Gr. 305).

5) Образование глагольных форм

а) Формы от основы настоящего времени

Настояще-будущее время

§ 68. К основе настоящего времени присоединяются следующие окончания:

	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>-in</i>	<i>-an</i>
2 л.	<i>-ay</i>	<i>-it</i>
3 л.	<i>-it, -t</i>	<i>-ant</i>

Р. Готью (MSL XX, 13) выводятся все окончания из спряжения на *-aya*-1-е лицо ед. числа у него *-ān* < *ayāmi, а 1-е лицо мн. числа *-ān*, не восходящее точно к *-ayā-mah(i)*. *-ān* : *-ūn* у Р. Готью, *-in* : *-an* у нас, *-am* : *-em* в тадж. могут представлять различные варианты дифференциации совпадающих окончаний. Так же *-it* 3-е лицо ед. числа: *-it* 2-е лицо мн. числа.

§ 69. В 3-м лице ед. числа *-t* имеют основы с исходом на сонант:

k-ayt, rawt, wārt, kant.

В. Гейгер (Gr. 244) видит в этом остатки нетематического спряжения, П. Тедеско¹ — остатки спряжения на *-a*. Во всяком случае важно, что сейчас *-t* встречается при определенных фонетических условиях, а именно — после сонанта².

¹ *a-Stämme und aya-Stämme im Iranischen* (ZII, 2, 1923, стр. 303).

² Тедеско (там же, стр. 308) предполагает, что спряжение на *-aya*-распространялось именно потому, что при выпадении безударного тематического *-a* получалось в 3-м лице ед. числа неудобное стечение согласных, чего не было при основах на *r-* и *n-*.

Вероятно, по аналогии с *kant*, *ǰant* 3-е лицо ед. числа глагола *da(y)*- — „давать“ имеет форму *dant*.

gir- — имеет 3-е лицо ед. числа *ǰit*.

Возможно, есть тенденция к отпадению конечного *-t*: *-pursī* — „спрашивает“ (ЗКВ V 664).

§ 70. Формы настоящего-будущего времени получают префикс (или префиксы) *-a k-*, аналогично перс. *mi-*. Префиксы имеют различный вид в зависимости от фонетических условий:

1) Согласный *-a k-* гласный.

laškar-a k-ayt — „придет войско“ (II, 25). *-a* фонетически тяготеет к предыдущему слову.

2) Согласный *-a^o-* согласный.

ǰǰāngur-a rawáy? — „куда ты идешь?“ (II, 31).

3) Гласный *-^ok-* гласный.

man tī myāntāīen gwārā k-ārīn — „я привезу твою среднюю сестру“ (II, 46).

4) Гласный *-^{oo}-* согласный.

robá bi watī dilá gušit — „лиса про себя говорит“ (II, 55).

Иногда *-a* выделяется и в этом случае:

bā-a kanīn — „продам“ (II, 18).

Глагол *dār* — „иметь“ префикса не получает (аналогично персидскому):

ta go man šart dāráy — „у тебя со мной условие“ (II, 69).

Префикс при отрицании — см. § 85.

Префикс *k-* известен также в *Kālūn-Abdūi*:

kāyom — „прихожу“, *kāvom* — „приношу“ (Mann, K-P. F. Abt. I, 136, 138)¹.

Префикс *a-* известен в *Bashakardi* (G. Morgenstierne, Acta Or. XX, 254).

§ 71. Образец спряжения глагола в настояще-будущем времени.

guš- — „говорить“

Единственное число	Множественное число
(-a) <i>gušīn</i>	(-a) <i>gušan</i>
(-a) <i>gušáy</i>	(-a) <i>gušit</i>
(-a) <i>gušit</i>	(-a) <i>gušánt</i>

Аорист

§ 72. Аорист по форме отличается от настоящего-будущего времени префиксом.

Префикс аориста — *bi-*, *b-*, перед глухими переходит в *p-*, перед *l-* в *m-*, перед *b* исчезает вовсе.

bgušit, *pkānit*, *mnīndit*, *bāran*.

¹ Но там же префикс *ti* || курд. *di* ? *tikušom* — „убиваю“.

Префикса нет при отрицании (*ma*, § 85).

Сложноименные глаголы могут не получать префикса:

paydá (p)kant — „чтобы он нашел“ (II, 17).

§ 73. Значения аориста — те же, что в персидском; он употребляется:

1) в независимых предложениях — косвенное приказание, желание, намерение и т. д.:

brawán — „пойдем“ (II, 21);

pattá pkúšín-ī — зарезать его тебе? (II, 19).

2) в придаточных дополнительных и цели:

watí abárā yáke kurtag ant ki šapí bjiyant (I, 36) — „сговорились ночью бежать“;

roč ta begāi kār-a kurt ki pa wat šapáy šáme paydá (p)kant — „работал с утра и до вечера, чтобы получить себе вечером ужин“ (II, 17).

Сюда же примыкает употребление аориста с заимствованным *bāid* (перс. *bayād*) — „надо, должно“: *ta bāid mnī abárā bzúray* — „ты должен меня слушаться“ (II, 21).

Как и в персидском, отграничить сказуемое придаточного предложения от „глагольного дополнения“ здесь трудно.

Глагол *āy — āt* — „приходить“ с аористом другого глагола означает „намереваться, хотеть“: *am kāáy ki mnī zarrānā má-daáy* — „а моих денег отдавать не хочешь“ (II, 23);

átant ki pkúšant — „они хотели убить“ (II, 118).

3) в придаточных условных и временных (будущего времени):

agár tá-am mnā yak e-dawlén abáre bdáay, man trā-am kušín — „если и ты мне что-нибудь такое скажешь, я и тебя убью“ (II, 18);

man ánčo ki brāin, pa tāsá soj kanín, mnā giránt — „как только я пойду, начну требовать чашу, меня схватят“ (II, 23).

§ 74. Противопоставление настоящего-будущего времени аористу с формальной стороны осуществляется префиксами при обеих формах (как в персидском, в противоположность литературному таджикскому, где префикс имеется только в настояще-будущем). Но наличие такого двойного формального противопоставления позволяет префиксам как той, так и другой формы иногда теряться под действием фонетических факторов. В этих случаях форма проявляется отрицательно: не наличием своего префикса, а отсутствием префикса другой формы.

В примере § 70, п. 4 *gušít* — настоящее время, а не аорист, так как нет префикса *b-*.

ki mnī reš jod bit — „чтобы мои раны зажили“ (II, 35).

Здесь *bit* — аорист, а не настояще-будущее время, так как нет префикса *-a*. Ср. *ái reš jod-a bit* — „его раны заживут“ (II, 31).

Все-таки остаются случаи, когда формы определяются только синтаксически:

pa mnī rešá če zābr-int ki mnī reš drwá bit — „что поможет моим ранам, чтобы они зажили“ (II, 31). Здесь невозможен ни тот, ни дру-

гой префикс. Форма (аорист) определяется по положению в придаточном дополнительном.

Повелительное наклонение

§ 75. Форма 2-го лица ед. числа равна основе I с префиксом *bi-*:
bday — „дай“, *bra* — „иди“, *pkan* — „сделай“, *mnind* — „садись“.

2-е лицо мн. числа получает свое окончание *-it*:

bdáit — „дайте“, *bráit* — „идите“, *pkánit* — „сделайте“.

б) Формы от основы прошедшего времени

§ 76. Формы прошедших времен в белуджском языке, как в большинстве иранских языков, развились из так называемой пассивной конструкции с причастием перфекта (страдательным) на *-ta*. Диалекты Белуджистана сохранили пассивную конструкцию до последнего времени. Наш диалект утратил ее, и прошедшие времена образуются в нем так же, как в персидском, — без различия переходности и непереходности глагола.

Пережитки пассивной конструкции изредка встречаются:

ešī gušt — „он сказал“ (I, 69);

pikrī kurt — „он подумал“ (I, 73);

watī pošáná báiš kurt — „они продали свою одежду“ (I, 75).

Простое прошедшее

§ 77. Образуется присоединением к основе II следующих окончаний (равных формам связки, кроме 3-го лица ед. числа).

<i>-un</i>	<i>-an</i>
<i>-ay</i>	<i>-it</i>
—	<i>-ant</i>

Ударение падает на основу.

<i>kan</i> — <i>kurt</i>	„делать“
<i>kúrtun</i>	<i>kúrtan</i>
<i>kúrtay</i>	<i>kúrtit</i>
<i>kurt</i>	<i>kúrtant</i>

3-е лицо ед. числа очень часто имеет энклитическое местоимение *-i* (как пережиток пассивной конструкции, ср. у Фирдоуси *kard-aš*):

dāti, kúrti, zánti

§ 78. Значение простого прошедшего — аналогично значениям его в персидском:

1) прошедшее время (обычно недлительного вида):

ganókay brās gúšti ganókā: tā golōā bā kúrtay yā na? — „дураков брат сказал дураку: ты теленка продал или нет?“ (II, 19).

2) в связи со своей видовой значимостью может обозначать будущее время в условных и временных придаточных предложениях:

ta ar kadén murgá rakkítay... — „как только сварешь курицу...“ (I, 202).

Прошедшее длительное

§ 79. Образуется от простого прошедшего префиксом *-a k-*:

(-a) *kúrti* — „делал“, (-a) *dáti* — „давал“;
k-āurti — „приносил“, *k-uškíti* — „слышал“.

Значения — те же, что в персидском:

1) Длительное действие в прошлом:

ārt tarr-a kúrti — „месила тесто“ (II, 17).

2) Ирреальность:

man na zántun ki ta gušnağ-a baáú, man mālá kátun — „я не знал, что ты проголодаешься, а то бы я раньше пришел“ (II, 21).

Ирреальная форма

§ 80. Образуется распространением основы II суффиксом *-en* и префиксом *bi-*. Окончания прошедшего времени.

pkúrtenun (если) я сделал бы.

Суффикс *-en*. И. И. Зарубин (ЗКВ V 657) отождествляет с суффиксом герундия (§ 89).

В условных ирреальных предложениях в протасисе обычно встречается ирреальная форма, в аподосисе — прошедшее длительное:

agár e dawł ma kúrtenun, guđan ā mnā róz-u góš-a kúrti — „если бы я так не сделал, он бы мне после нос и уши отрезал“ (II, 74).

Но может быть ирреальная форма и в обеих частях:

agár salám ma dátenay, . . bi mnī nišóray éérā byátenay — „если бы ты не поклонился, был бы теперь уже у меня в жвачке“ (II, 123).

Глагол-связка в ирреальном значении ставится в простом прошедшем:

armán ki yak píramárde búten, maročien ročá čon zabr at — „догада какая! был бы хоть старик какой, как пригодилось бы в сегодняшний день!“ (II, 81).

Причастие прошедшего времени

§ 81. Образуется от основы II суффиксом *ag > a* (*-g* восстанавливается иногда между гласными).

Причастие употребляется:

1) для образования перфекта (и может быть плюсквамперфекта);

2) в обороте с глаголом *kan* — *kurt*, со значением „мочь сделать что-нибудь“:

ičč watí damá kašítá na kanín „никак дохнуть не могу“ (II, 31);

jistá na kúrti — „не смог убежать“ (II, 93)¹.

¹ Ср. А. А. Фрейман. Хорезмийский язык, 1951, стр. 89.

3) в обороте с 3-им лицом ед. числа глагола *ba(y)* — „становиться“, со значением „можно сделать что-либо“:

rogín čaḥṭitá bīt — „масло можно будет слизнуть“ (II, 73).

4) собственно причастное значение имеют только некоторые слова, лексикализовавшиеся как имена признака:

murtágen robáe — „мертвая лисица“ (II, 60).

Перфект

§ 82. Образуется из причастия с личными формами настоящего времени глагола-связки (кроме 3-го лица ед. числа).

<i>dātá-un</i>	<i>dātá(g)-an</i>
<i>dātá(g)-ay</i>	<i>dātá(g)-it</i>
<i>dātá</i>	<i>dātá(g)-ant</i>

В 1-м лице ед. числа *-g* восстанавливается редко.

К форме 3-го лица ед. числа может добавляться энклитическое *-ī*, как в прошедшем времени: *waptá-ī* — „заснула“ (II, 18).

С восстановленным *-g*: *kurtágī* — „сделал“ (II, 102), *wartágī* — „выпил“ (II, 85).

Встречается и с ударением на *-ī*, что, очевидно, связано с таджикскими формами типа *kardagī*.

§ 83. 1) Основное значение перфекта — результативность.

gušnág bütá-un — „я проголодался“ (II, 21).

2) Отсюда — возможность выразить Futurum Exactum в придаточных временных:

tā wáxte ki man tī ár-du gwāránā na āurtágun... — „пока я не привезу обеих твоих сестер...“ (II, 46).

Плюсквамперфект

§ 84. Образуется прибавлением к основе II¹ личных форм прошедшего времени глагола-связки:

kurtátun, kurtátay, kurtát и т. д.

1) Основное значение — преждепрошедшее время:

átant bi amá jāgāā ki ganók golbā bā kurtát — „они дошли до того места, где дурак продал теленка“ (II, 22).

2) Значение ирреальности:

ammá-rā kámme gidá kučák kuštátant — „еще немного, и собаки бы нас разорвали“ (II, 58).

¹ Неясно, представляют ли формы плюсквамперфекта стяжение из причастия на *-a-*: *kurtá + atun* (на что указывает ударение; но *-g* нигде не восстанавливается) или же они образованы непосредственно от древнего причастия на *-t* и составляют пару не с перфектом, а с простым прошедшим.

6) Глагольное отрицание

§ 85. 1) Для изъявительного наклонения отрицанием служит *na*, которое ставится перед глаголом:

ičči na guštī — „он ничего не сказал“.

При префиксах *-a k-* отрицание ставится после *-a*, но перед *k-*:

tayátt-a na k-ārít — „не может выдержать“ (II, 55).

2) Для сослагательного и повелительного наклонений — отрицание *ma*. Префикс *bi-* при отрицании отсутствует:

agár šarí má-jítn, aláś-a na baín — „если не убегу сегодня ночью, потом мне уже не выбраться“ (II, 39);

agár salám ma dáténay... — „если бы ты не поклонился...“ (II, 123);

ma-ttrus — „не бойся“ (II, 38).

7) Отглагольные имена

Образования от основы настоящего времени

§ 86. С суффиксом *-ag*:

andag от *and* — „смеяться“,

kašag от *kaš* — „тянуть“.

В грамматиках белуджских диалектов, как северо-восточных, так и юго-западных, эта форма считается глагольным инфинитивом. Она имеет значение имени действия и в нашем диалекте:

pa āray kašagā — „для переноски воды“ (ЗКВ V, 669), но встречается редко и может считаться только одним из отглагольных имен.

§ 87. С суффиксом *-išt*, перс. *-eš(t)*:

mnī kār rawišt na-kant — „не идет мое дело на лад“ (II, 30);

ne mardāy bodišt tirā — „нет и запаха мужества у тебя“ (ЗКВ V, 664). (*bod*, перс. *bu*).

§ 88. Имя действующего лица с суффиксом *-ok*:

girók — „сватающийся“, от *gir* — „брат“ (II, 121).

§ 89. От основы прошедшего времени суффиксом *-in* образуется герундий — имя, выполняющее роль инфинитива.

kurtīn, dātīn, guštīn;

-tin, курд. *-tin*, перс. *-tān, -dān;*

man rāin pa gaštīnā — „я еду прогуляться“ (II, 98):

laggitant bi wārtīnā — „напустились на еду“ (II, 57).

Герундий, собственно, также просто отглагольное имя, так как глагольного управления не имеет:

binā kurtant bi naāray dātīnā — „принялись раздавать обед“ (II, 27).

От герундия может образоваться прилагательное:

ša mnī soj. kurtīnen čīzān tī dilā ma gīt — „не обижайся на меня за вещи, которые я спрашиваю“ (I, 14).

3. Неизменяемые слова

§ 90. а) Союзы:

и (энклитическое) — „и“, иногда *wa*

amṭá — „но“,

yā — „или“,

agár — „если“,

čo — „как“,

ki — „чтобы, что, который“ и т. д.,

tā — „чтобы“,

ra-če ki — „потому что“,

ānčo ki — „как только“ и т. д.

Многие союзы, как видно из этого перечня, заимствованы.

§ 91. б) Частицы:

ān — „да“; *ān ki bā kúrtun* — „да, продал“ (II, 19); *na* — „нет“;

magár — „ведь“; *magár man áre ná-un* „я-то ведь не осел“ (II, 26);

para — „ну, же“; *para čon rkanán* — „как же нам сделать“ (II, 82)

и др.

§ 92. в) Междометия и модальные слова:

ay — „эй“,

lāláyk — „батьюшки“ (II, 27),

albát — „конечно“,

či balá — „что ли“ (II, 26) и др.

4. Заключение

Характерные черты грамматического строя белуджского языка

§ 93. В области глагола белуджский язык имеет основные черты, свойственные большинству иранских языков: развитие глагольных форм от двух основ (старой основы настоящего времени и старого причастия на *-ta*) и дальнейшая их дифференциация при помощи префиксов. Принцип образования глагольных форм и их значения в белуджском языке почти такие же, как в персидском.

В области имени белуджский язык, обладая свойственной всем иранским языкам слабой расчлененностью системы имени, примыкает к „безъизафетной“ группе иранских языков, а внутри них — создает себе особую падежную систему нового типа. Но и здесь можно найти много черт, общих с другими иранскими языками, в том числе и с „изафетными“: предложно-послеложные конструкции — аналогичны персидским сложным предлогам, отсутствие выражения множественного числа в прямом падеже имени — черта, общая с курдским и т. д.

Сравнительное исследование элементов грамматического строя белуджского и других, близко родственных ему языков, с различием результатов совместного развития, параллельного развития и влияний

(в теснейшей связи с исследованиями в области фонетических и словарных соответствий) дало бы возможность многое понять в ходе и закономерностях развития грамматического строя иранских языков.

Сокращения

А. Языки: ав. — авестийский; ар. — перс. — персидский; ср.-перс. — средне-арабский; др.-перс. — древнеперсидский; персидский; тадж. — таджикский; ир. — общеиранский; курд. — курдский;

Б. Источники: I — И. И. З а р у б и н. Белуджские сказки, 1932; II — То же, ч. II, 1949; B a r t h. Gr. — Bartholomae, Grundriß der Iranischen Philologie, Bd. I, Abt. I; B a r t h. Wb. — Altiranisches Wörterbuch, 1904; G e i g. Gr. — Geiger, Grundriß der Iranischen Philologie, Bd. I, Abt. II; Geig. Et. — Geiger, Etymologie des Baluči, Abhandlungen d. k. bayr. Ak., Philos.-Phil. Cl, Bd. XIX, 1891; Geig. LW — Geiger, Lehnwörter im Baluči; Готъо (MSL XX) — Gauthiot, De la réduction de la flexion nominale en iranien, MSL XX; Грирсон — Grierson, Linguistic Survey of India, 1921; Gr. IPh — Grundriß der Iranischen Philologie, Bd. I, Abt. II; Horn Gr. — Gr IPh, Bd. I, Abt. II; JASB — Journal of the Asiatic Society of Bengal; ЭКВ V — И. И. З а р у б и н, „К изучению белуджского языка и фольклора“, Записки коллегии востоковедов, 1930; Mann K-P.F. — O. Mann, Kurdich-Persische Forschungen, Abt. I, 1909, Введение; Morgenstierne Et. — Notes on Balochi Etymology, NTS, V, 1932; Or. u. Occ., III — F. Müller, Über die Sprache der Balučen, Orient und Occident III, Göttingen 1864; NTS — N o r s k T i d s s k r i f t f o r S p r o g v i d e n s k a p; Nyberg Gl. — Hilfsbuch des Pehlevi, II, 1931; П. — Попова, Арифметика, ч. I, Ашхабад, 1933; Salemann Gr. — Grundriß der Iranischen Philologie, Bd. I, Abt. II; Tedesco DdWiTt — P. Tedesco, Dialectologie der Westiranischen Turefantexte, Le Monde Oriental, vol. XV, 1921; ZDMG — Zeitschrift der deutschen Morgenländischen Gesellschaft.